

Вырезка из газеты
МАРИЙСКАЯ ПРАВДА

26 МАИ 1982

г. Йошкар-Ола

ОБ АКТЕРАХ

НЕИНТЕРЕСНЫХ РОЛЕЙ НЕТ

НИКОЛАЯ Дмитриевича Блинова можно увидеть в театре и рано утром, и поздно вечером. У него как у секретаря партийной организации русского театра республики дел всегда очень много. Не за горами и гастроли, которые требуют долгой и тщательной подготовки. Вот и сейчас Николай Дмитриевич сидит и сосредоточенно что-то пишет. А чуть в стороне на столе текст новой роли.

Впрочем, всегда ли новой? Спектакль «Царь Федор Иоаннович» (пьеса А. К. Толстого) идет на сцене русского театра без малого десять лет, а роль надо будет повторить.

И в один из вечеров уверенно, властно выйдет на сцену боярин Луп-Клещнин — Н. Блинов. Впрочем, он не на сцену выйдет, нет. Он как будто возникает из смутных времен старой Руси, этот коренастый, широкоплечий человек в длиннополой одежде и мягких сапогах, с гладко прилизанными блестящими черными волосами и широким красным лицом.

И всюду он будет чувствовать себя хозяином — в царских палатах, в доме Бориса Годунова, на широком парадном крыльце, в упоении вещая о чем-то народу, и при жестокой схватке Ивана Шуйского и Бориса Годунова у царского трона.

Заметив, что Шуйский не говорит всей правды, злорадно пригрозит: «Вот я икону-то сейчас сыму!». И удовлетворенно улыбнется, видя, что горячий и по-своему честный князь Шуйский сейчас расскажет все. Он как будто на стороне Бориса Годунова, простой и верный служака. Но это только кажется. Верно и преданно этот человек служит только самому себе, своей корысти.

Луп-Клещнин — граждански страстная, крупная работа артиста. Он клеймит ею подлость, двуличие, приспособленчество.

Еще одна интересная работа Н. Блинова — Баймов в «Тринадцатом председателе» А. Абдуллина. Баймов — Н. Блинов сидит в зале суда со спокойным лицом. Он

привык сдерживать свои чувства, хотя и не скрывает, что возмущен поведением Сагадеева и колхозников. Как могут они сомневаться в том, что Сагадеев виноват! Ведь он нарушил закон и выступает против мнения руководящих товарищей!

Последнее возмущает Баймова больше всего. Ну пусть он где-то что-то и нарушил, этот упрямый председатель. Пришел бы к нему, Баймову, в кабинет, повинился, попросил выручить — и дело с концом. Так нет! На рожон лезет! Правым себя считает, а в правоте вышестоящих смеет сомневаться.

Впрочем, Баймов у Н. Блинова даже думать, кажется, боится, что будет, если дать волю таким, как Сагадеев. И... немножко завидует Сагадееву. Его смелости, честности, прямоте, человеческой силе и умению вести за собой людей, потому что Сагадеева люди любят. Вот его, Баймова, не любят. Его боятся. А что, если Сагадеев прав? Если за такими, как он, — будущее? И в этом: а что, если Сагадеев прав?.. — по-моему, самое интересное в образе Баймова у Н. Блинова. Залог того, что человек этот не совсем закоптел в робости и чиновном формализме, что он сможет стать настоящим слугой народа, если захочет и сумеет себя переломить.

А вот к шпиону ЦРУ США Джону Глэббу из спектакля «ТАСС уполномочен заявить...» артист беспощаден. Для всех Джон Глэбб — журналист, улыбочивый, простой «рубаха-парень», любящий шутку. А для работников КГБ, разгадавших, кто он такой, — враг жестокий, коварный, злобный, пускающий в ход любые средства, когда надо убрать со своего пути противника.

И в этом — позиция советского художника, раскрывающего перед нами истинное лицо врага.

Поздний вечер. Николай Дмитриевич выходит из театра после репетиции утомленный, уставший. А завтра новый день, новые заботы.

Л. ДОБРОПРАВОВА.